

Нейтон Патчер

СТАТУС ДАНЖА

❄ УРОВЕНЬ: 10
⚙ ВЛАСТЬ: SSS
🛡 ЗАЩИТА: A+
⚙ РЕСУРСЫ: 999,999
⚙ НАСЕЛЕНИЕ: NPC 1327
👤 АРМИЯ: 8472
★ РЫНОК ДУШ
АКТИВЕН

ВОЙНА
ГИЛЬДИИ
ИМПЕРИИ
СИСТЕМЫ
ВСЕ — ВРАГИ

КРАФТ СИСТЕМА

СОЗДАВАЙ
УЛУЧШАЙ
КОНТРОЛИРУЙ

ДАНЖЖ БЕЗ ПРАВИЛ

→ КРАФТ. NPC И ВОЙНА ←

Нейтон Патчер

**Данж без правил:
Крафт, NPC и война**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Данж без правил: Крафт, NPC и война / Н. Патчер — «Автор», 2026

Что, если в игре можно заложить не меч, крепость или золото, а профессию живого мастера? Артём получает Суверенный Данж — территорию, которую нельзя просто купить, подчинить или сертифицировать по правилам Коалиции. Но настоящая война начинается не за стены. Коалиция контролирует рынок артефактов, редкие профессии, крафтовые индексы, страховые допуски и само право считаться безопасным. NPC здесь могут стать активами. Мастер — залогом. Ошибка — оружием. Сертификат — клеткой. А отказ работать способен обрушить финансовую систему. Артём строит свободную кузню, открывает имена тех, кого превратили в профессиональные паттерны, и учится главному: освободить человека мало. Нужно не сделать его рабом уже своей стороны. Тёмное ЛитРПГ о данжах, крафте, NPC, рынке душ и войне за право сказать: «Я не инструмент».

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Артефакт без мастера	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Нейтон Патчер

Данж без правил: Крафт, NPC и война

Глава 1 Артефакт без мастера

Разлом открылся без звука.

Просто край мира разошёлся, как плохо сваренный шов, и за ним показалась не тьма, а слоистая пустота — густая, серо-синяя, с прожилками чужих классовых контуров. Они двигались внутри разрыва медленно, как нити в застывающем стекле. Каждая нить была чьей-то ролью, профессией, навыком, правом на действие. Танк. Лекарь. Разведчик. Призыватель. Копейщик. Проводник. Всё, что Система обычно держала отдельно, там лежало в одном мутном слое, перемешанное и голодное.

Рейдовая группа стояла перед входом ровной дугой.

Тринадцать игроков. Пять NPC-сопровождающих. Два контрактных голема. Один стабилизатор душевых контуров, закреплённый в центре построения на бронзовой раме с коалиционной печатью.

Предмет стоил столько, что за эти деньги можно было купить не дом и не мастерскую, а приграничную крепость с гарнизоном, правом сбора пошлины и двумя шахтами средней глубины. Он выглядел скромнее цены: овальная пластина тусклого белого металла, семь рунных стяжек, внутренняя линза из прозрачной кости, серебряные контакты, уходящие в воздух тонкими волосками интерфейса. На боковой грани горел знак Палаты сертифицированного мастерства.

Системный интерфейс показал: рейдовый стабилизатор душевых контуров.

Системный интерфейс показал: сертификация — Коалиционная ремесленная служба.

Системный интерфейс показал: целостность — 100 процентов.

Системный интерфейс показал: сопротивление классовому дрейфу — 97,4 процента.

Системный интерфейс показал: рекомендуемый уровень разлома — VII–IX.

Командир рейда, игрок с ником Хардвен, дважды постучал костяшками по наплечнику, проверяя баффы. Его броня была тяжёлой, дорогой и чрезмерно уверенной в себе. Такие комплекты покупали не для защиты, а чтобы вокруг сразу становилось ясно: владелец уже заплатил за право ошибаться реже других.

— Держим стандартный клин, — сказал он. — Танк первый слой, второй танк ловит смещение, лекари не перегревают контуры, NPC не геройствуют. Стабилизатор в центре, никто не отрывается больше чем на шесть шагов. Если кто-то ловит классовый шум — сразу метка в чат.

Никто не спорил.

Перед такими разломами спорили до входа. Возле края уже проверяли расходники, молчали и делали вид, что цена снаряжения равна шансу вернуться.

Артём Соколов смотрел на рейд не глазами игрока.

Он стоял не в строю, а чуть в стороне, на линии данжевого маршрута, который проходил под самой кромкой разлома и цеплялся за него, как подземный корень за трещину в камне. Для чужого интерфейса Артём числился контрактным NPC с расширенными административными правами. Для Суверенного Данжа — узлом принятия решений. Для собственного тела, где-то далеко, в нейро-капсуле, — пользователем с превышенной глубиной синхронизации и устойчивой склонностью лезть туда, где Система давно поставила табличку «не трогать».

Разлом пах не серой и не озоном. В нём стоял запах перегретой кожи интерфейса: сухой, горький, как пыль от старых пергаментных контрактов, которые слишком долго держали возле огня.

Артём развернул внутреннюю карту маршрута.

Системный интерфейс показал: данжевый транзитный узел — стабилен.

Системный интерфейс показал: край суверенной юрисдикции — частично.

Системный интерфейс показал: внешнее давление разлома — высокое.

Системный интерфейс показал: искажение классовых контуров — 18 процентов.

Системный интерфейс показал: рекомендованное действие — наблюдать.

Система всегда начинала с «наблюдать». Потом что-нибудь ломалось, кто-нибудь погибал, а в логах аккуратно появлялась строка: «инцидент развивался вне прогнозируемого коридора».

Хардвен поднял руку.

Стабилизатор вспыхнул мягким белым кругом. От него по рейду прошли тонкие линии привязки. Они коснулись брони, кожи, оружия, амулетов, NPC-контрактов, системных слотов. На секунду вокруг каждого участника проявился классовый контур: у танка — тяжёлая угловатая фигура с плотным центром агро; у лекаря — светлая спираль с несколькими резервными петлями; у разведчика — почти плоская сеть, уходящая в ноги и пальцы; у NPC-алебардщика — скромный, но чистый боевой профиль, без лишних украшений.

Хорошие контуры. Дорогая подготовка. Чистая сертификация.

И всё равно край разлома дрожал не так.

Артём заметил это ещё до входа. Не ошибку в материале. Не просадку заряда. Не сбой рунной линии. Там было другое: пустое место в сборке, замаскированное под идеальную геометрию.

Как если бы клинок выковали по правильному чертежу, из правильной стали, при правильной температуре, но рука у молота была не рука мастера, а машина, повторяющая сохранённый удар без слуха к металлу.

— Идём, — сказал Хардвен.

Рейд вошёл.

Первые четыре шага прошли чисто. Разлом принял их без сопротивления, только сдавил звук. Металл перестал звенеть. Дыхание ушло в глухие маски. Интерфейсные строки стали короче, жёстче, будто Система сэкономила место.

На пятом шаге из пустоты вышел первый хранитель.

Он не был монстром в обычном смысле. Скорее, ошибка, получившая право двигаться. Длинное тело из чужих классовых осколков, голова без лица, руки из навыков, которые когда-то принадлежали разным существам. На одном предплечье у него горел агро-модуль. На втором — лекарский знак восстановления. В грудной клетке шевелился чужой барьерный купол, сжатый до размера сердца.

Хардвен встретил его щитом.

Удар прошёл правильно. Танк взял внимание, второй танк закрыл бок, копейщики пробили суставы, маги положили на хранителя два слоя запрета движения. Лекари удержали зелёную дугу восстановления. NPC-сопровождающие работали дисциплинированно: не лезли вперёд, поддерживали фланг, таскали якорные штыри.

Стабилизатор в центре строя дышал белым светом.

Системный интерфейс показал: классовый дрейф — 2,1 процента.

Системный интерфейс показал: целостность душевого контура — стабилен.

Системный интерфейс показал: рейдовый строй — подтверждён.

Второй хранитель вышел из стены пустоты.

Третий — из пола.

Четвёртый не вышел. Он собрался прямо внутри защитного купола, как мысль, которую никто не успел запретить.

Разлом начал давить.

Классовые контуры рейда прогнулись, но стабилизатор выровнял их. Игроки двигались чётко. Хардвен срезал первый удар, разведчик с ником Сольвина исчез за спиной хранителя и вонзил кинжалы в место, где у ошибки должен был быть центр управления. Лекарь Дэвиан кинул массовое восстановление. На секунду всё выглядело так, как обещали рекламные карточки Палаты: дорого, опасно, но подконтрольно.

Потом стабилизатор дал первую трещину.

Не громкую. Не зрелищную. На белой пластине появилась волосная линия, тоньше ресницы. Она прошла от верхней стяжки к внутренней линзе и остановилась. Сертификационная печать не погасла. Интерфейс не выдал аварии. Предмет продолжал работать.

Артём увидел трещину через данжевый маршрут.

И сразу понял: плохо.

Не потому что предмет разрушался. Потому что Система его ещё считала целым.

Системный интерфейс показал: целостность — 99,8 процента.

Системный интерфейс показал: душевая стабилизация — активна.

Системный интерфейс показал: отклонение — в пределах допуска.

В пределах допуска.

Эта фраза убивала чаще, чем прямой отказ.

Хардвен шагнул вперёд, ловя нового хранителя на щит. В этот момент трещина на стабилизаторе раскрылась на долю миллиметра, и белый свет сменил оттенок. Он остался белым для глаз, но в системном слое стал грязным, с серой примесью старого шаблона.

Классовые привязки дрогнули.

Танк получил чужую лекарскую петлю.

Сначала это выглядело почти полезно. На его интерфейсе мигнула способность малого восстановления, не принадлежащая его классу. Хардвен выругался, но продолжил держать агро. Лекарь Дэвиан, наоборот, поймал часть танкового модуля: его ладони сжались, плечи пошли вперёд, восстановительная спираль стала тяжёлой, угловатой, как щит.

— Шум! — крикнула Сольвина. — Классовый шум по центру!

— Стаб держит, — ответил кто-то из магов.

Стаб не держал.

Он имитировал удержание.

Артём двинул данжевый маршрут ближе к разлому. Внутренние границы Суверенного Данжа закрипели. Чужая зона не любила, когда в неё вводили независимую инфраструктуру. Особенно инфраструктуру, которая не платила Коалиции за проход.

Системный интерфейс показал: несанкционированное расширение транзита.

Системный интерфейс показал: давление разлома — критическое.

Системный интерфейс показал: Recommendation — отступить.

Артём не отступил.

На стабилизаторе появилась вторая трещина. Она не пересеклась с первой. Это было хуже. Материал не распадался от перегрузки. Две линии шли по разным логикам, словно внутри предмета спорили два чертежа.

NPC-алебардщик по имени Марн сделал шаг, чтобы закрыть лекаря.

Его классовый контур сместился.

Не на процент и не на два. У него исчезла сама связка между памятью движения и правом выполнять движение. Алебарда осталась в руках, но руки больше не знали, что с ней делать. Марн посмотрел на древко так, будто держал незнакомый инструмент из чужого сна. Хранитель ударил его в грудь.

Броня выдержала.

Профессия — нет.

Системный интерфейс показал: NPC-единица — Марн.

Системный интерфейс показал: профессиональный класс — алебардщик охраны.

Системный интерфейс показал: профессиональная память — обнаружена фрагментация.

Системный интерфейс показал: боевой алгоритм — недоступен.

Марн упал на колено. Не от раны. От пустоты там, где секунду назад была двадцатилетняя привычка держать строй.

— Вытащить NPC! — рявкнул Хардвен. — Лекари, Марна!

Дэвиан поднял руки для восстановления и вместо исцеляющей формулы выдал агро-клич. Его голос ударил по разлому, привлекая сразу двух хранителей. Он сам побледнел, потому что лекарь, случайно вызвавший агро в разломе с классовым дрейфом, жил недолго.

Сольвина попыталась уйти в тень.

Тень не приняла её. В слотах навыков мигнули чужие строки.

Системный интерфейс показал: щитовая фиксация.

Системный интерфейс показал: перераспределение боли.

Системный интерфейс показал: малое исцеление.

Системный интерфейс показал: удар в спину — конфликт доступа.

Разведчик с танковым модулем стал слишком тяжёлым для собственной траектории. Она сорвалась с полушага, ударилась плечом о невидимую грань пустоты, и один из хранителей повернул к ней голову без лица.

Стабилизатор продолжал светиться.

Системный интерфейс показал: целостность — 94,6 процента.

Системный интерфейс показал: отклонение — в пределах допуска.

Артём выругался беззвучно и открыл аварийный шлюз данжевого маршрута.

Это не был полноценный портал. Порталы принадлежали тем, кто умел взимать плату за движение. Данжевый маршрут работал грубее: он не переносил тела через пространство, а доказывал Системе, что между двумя точками уже существует служебный коридор. Если доказательство принималось, реальность вынужденно соглашалась.

Сейчас доказательство было слабым.

Разлом находился вне уверенной юрисдикции. Рейд стоял в чужой опасной зоне. Коалиционный стабилизатор имел приоритет сертифицированного предмета. Артём имел только край своего данжа, старую аварийную мастерскую под западным крылом и право вмешательства в случае угрозы связанным NPC.

Марн был NPC.

Этого хватило, чтобы открыть щель.

Пол под ногами рейда раскололся не вниз, а в сторону. Между плитами пустоты появился узкий технический ход, выложенный серым камнем Суверенного Данжа. Воздух из него пах маслом, старой рудой и пылью закрытых цехов.

— В коридор! — крикнул Артём.

Хардвен обернулся. В его глазах мелькнула злость: командиры рейдов не любили, когда их спасали чужие NPC. Но спорить было поздно. Стабилизатор дал третью трещину.

Теперь звук был.

Тихий шелчок, похожий на ломку ногтя.

Белая линза внутри пластины помутнела. Классовые линии дернулись сразу у всех.

У одного мага вспыхнул ремесленный слот, которого у него не было. Он машинально потянулся к пустому месту, будто хотел взять молот. У второго NPC-сопровождающего исчезла привязка к профессии проводника. Он перестал видеть безопасные зоны разлома и шагнул туда, где пространство перемалывало навыки в серую пыль.

Артём протянул через маршрут данжевую цепь.

Не физическую. Юрисдикционную. Грубую, тяжёлую, с печатью Суверенного Данжа на каждом звене. Цепь ухватила NPC за контрактную основу и дёрнула назад. Тот рухнул в технический коридор, прокатившись по камню.

Игроки посыпались следом.

Хардвен отходил последним, как полагалось танку, и это почти стоило ему класса. Хранитель ударил по его щиту, вмял металл, но страшнее был второй удар — не по броне, а по контуру. Агро-модуль Хардвена развернулся наружу, лекарская петля внутри него пошла вразнос. Танк на миг стал маяком для собственного восстановления: все исцеляющие потоки начали притягиваться к нему, оставляя остальных пустыми.

Дэвиан стиснул зубы и разорвал каст вручную. Его пальцы почернели до суставов от обратного отката. Зато рейд не схлопнулся.

Стабилизатор в центре рамы треснул окончательно.

Не взорвался. Не осыпался. Просто перестал быть одним предметом. Пластина разошлась по внутренним швам на семь тонких лепестков, и каждый лепесток продолжал показывать сертификационную печать.

Семь правильных частей неправильного целого.

Артём закрыл маршрут.

Разлом ударил по краю коридора, но не успел зацепиться. Камень данжа принял рейд, погасил классовый шум и выдал сухую системную строку:

Системный интерфейс показал: аварийное извлечение — завершено.

Системный интерфейс показал: потери — уточняются.

Системный интерфейс показал: профессиональное повреждение — обнаружено.

Системный интерфейс показал: назначена ремонтная зона — Зброшенная мастерская-3.

Аварийная мастерская открылась перед ними низким залом с закопчёнными стенами, ржавыми направляющими для подвесных механизмов и длинными каменными столами. Когда-то здесь ремонтировали что-то тяжёлое и сложное. Теперь по углам лежали сломанные держатели, пустые формы, обрывки цепей, на которых ещё сохранялись старые руны учёта.

Игроки падали на пол, ругались, проверяли интерфейсы.

NPC молчали.

Это было хуже ругани.

Марн сидел у стены и смотрел на свою алебарду. Он держал её неправильно: слишком близко к лезвию, с развёрнутой кистью, как сельский работник держал бы незнакомый инструмент. Его лицо было спокойно, но в этом спокойствии не осталось профессии. Только тело, из которого вынули привычную ось.

Артём присел перед ним.

— Имя?

Марн поднял глаза.

— Марн.

— Класс?

Молчание.

На лице NPC не было паники. Паника требует понимания потери. У Марна перед глазами была пустая полка, где ещё секунду назад лежало всё, что делало его не просто существом с алебардой, а алебардщиком.

— Класс? — повторил Артём.

Марн опустил взгляд на древко.

— Я сопровождал.

— Чем?

Пальцы NPC скользнули по дереву. Неуверенно. Без старого автоматизма.

— Этим.

Хардвен подошёл к ним, сняв шлем. Под шлемом лицо у него было мокрым, злым и слишком живым для человека, который только что узнал цену «в пределах допуска».

— Он восстановится?

Артём открыл диагностику.

Системный интерфейс показал: NPC-единица — Magn.

Системный интерфейс показал: душевой контур — стабилен.

Системный интерфейс показал: профессиональный класс — алебардщик охраны.

Системный интерфейс показал: профессиональная память — вывихнута.

Системный интерфейс показал: метод восстановления — требуется архитектура души.

Системный интерфейс показал: доступные сертифицированные услуги — None.

Он задержал взгляд на последней строке.

— Не обычным лечением.

— Что значит не обычным? — Хардвен наклонился ближе. — У меня рейдовый страховой пакет. Коалиционный. Максимальный. Там восстановление NPC-сопровождения до шестого ранга включено.

— Страховка восстановит тело. Может вернуть базовый контракт. Память профессии — нет.

— Он стоял в моём рейде три года.

— Сейчас Система видит его как тело с повреждённой профессиональной связкой.

Хардвен сжал ремень шлема так, что кожа скрипнула.

— Из-за стабилизатора?

Артём не ответил сразу.

На полу мастерской лежали семь лепестков сломанного предмета. Они не дымились, не фонили проклятием, не выглядели как причина катастрофы. Дорогой сертифицированный артефакт после отказа сохранил достоинство дорогой вещи: аккуратные линии, гладкий металл, чистые руны. Такие предметы умели выглядеть невиновными.

Нокс Рифт уже сидел возле обломков на корточках.

Он появился в мастерской вместе с последней волной эвакуации, хотя в рейдовом строю его не было. Нокс всегда появлялся там, где чужая поломка могла стать рыночным знанием. Тонкий, сухой, в куртке с множеством скрытых карманов, с линзой арбитражника на левом глазу. Он смотрел на стабилизатор так, как ростовщик смотрит на наследство без завещания.

— Трогать нельзя, — сказал Артём.

— Я и не трогаю. Я знакомлюсь.

— С предметами ты знакомишься быстрее, чем с людьми.

— Люди редко имеют маркировку партии, сертификационный код и рыночную историю. С предметами честнее.

Нокс вытянул шею, считывая боковую грань одного из лепестков.

— Хорошая партия. Даже отличная. Производитель — через три прокладки, но финальная сертификация Палаты. Рейдовый допуск свежий. Цена — он присвистнул. — Хардвен, тебя красиво раздели.

— Если ты сейчас скажешь что-то про переплату, — тихо произнёс Хардвен, — я проверю, сохраняется ли у арбитражников ликвидность после перелома позвоночника.

Нокс поднял ладони.

— Я говорю не про переплату. За такие вещи все переплачивают. Это не цена металла. Это цена отсутствия альтернативы.

Артём сел рядом с обломками и включил глубокий осмотр.

Обычный интерфейс показал бы стандартные строки: материал, прочность, остаточный заряд, мастерская, сертификат. Артёму нужен был производственный след. Не то, что предметом называли на рынке. То, как он стал собой.

Суверенный Данж нехотя пропустил запрос через старые ремонтные руны мастерской.

Воздух над обломками потемнел. Появились слои: металл, кость, стяжки, руны, связующий контур, стабилизационная матрица, контур душевого выравнивания. Материалы были чистыми. Даже слишком. Коалиция не экономила на сырье для предметов, которые работали витриной монополии.

Артём прокрутил слой рун.

Правильно.

Связующий контур.

Правильно.

Резонанс линзы.

Почти правильно.

Не брак. Не подделка. Не усталость металла.

Он углубился ещё на один уровень, туда, где у хорошего предмета сохранялся не чертёж, а след руки. Удар, пауза, давление, микроскопическое отклонение, решение мастера не по инструкции, а по сопротивлению материала. В любом настоящем артефакте этот слой был живым. Даже если мастер умер, предмет помнил, что его создавал не шаблон.

Здесь слой был мёртвым.

Не пустым. Пустота была бы честнее. Здесь лежала имитация мастерского следа: усреднённая, выглаженная, сертифицированная, собранная по архивным движениям. Как подпись, которую много лет выводили чужой рукой по образцу.

Артём поднял один лепесток через щипцы мастерской. Металл не сопротивлялся.

— Материалы идеальные, — сказал он.

Хардвен резко повернулся.

— Тогда почему мы чуть не легли?

— Руны правильные.

— Артём.

— Сертификация свежая.

— Я спросил почему.

Артём положил лепесток на каменный стол.

— Потому что его не сделал мастер.

В мастерской стало тише.

Даже игроки, занятые своими интерфейсами, подняли головы.

Нокс улыбнулся краем рта. Не весело. Скорее так улыбаются люди, которые давно видели дыру в стене, но ждали, когда кто-нибудь наконец в неё провалится.

— Вот теперь разговор стоит денег, — сказал он.

Хардвен медленно выдохнул.

— Что значит не сделал мастер? Там стоит печать Палаты. Такие стабилизаторы делают архитекторы душ.

— Настоящие архитекторы душ давно не делают стабилизаторы, — ответил Нокс. — Потому что настоящих архитекторов душ давно нет.

Лекарь Дэвиан, всё ещё сидевший на полу с почерневшими пальцами, поднял взгляд.

— Профессия вымерла.

Нокс кивнул.

— Официально. Красивое слово, правда? Вымерла. Как будто профессии ходят стадами по равнинам, а потом однажды ложатся костями возле водопоя. На рынке это звучит прилично.

«вымерла profession», «legacy craft», «limited certified production». Люди платят охотнее, когда думают, что покупают последний отблеск великой эпохи.

Артём посмотрел на него.

— А на деле?

Нокс провёл пальцем над лепестками, не касаясь.

— На деле все стабилизаторы делают по старым шаблонам. Архивные матрицы, сертифицированные производственные линии, имитация мастерского следа. Дорого не потому, что кость редкая. Не потому, что металл с луны мёртвого титана. Дорого потому, что живой мастер, который мог бы поправить контур под конкретный разлом, отсутствует. А отсутствие — самый удобный товар. Его не надо кормить, защищать, слушать, учить. Его можно продавать бесконечно.

Хардвен шагнул к Ноксу.

— Я купил рейдовый предмет, а не музейную копию.

— Нет, — сказал Артём. — Ты купил сертифицированный предмет, собранный по мёртвому профессиональному шаблону.

— Разница?

Артём ткнул щипцами в трещину.

— Шаблон не услышал, что этот разлом смешивает контуры не по внешнему слою, а через профессиональную память. Материалы выдержали. Руны тоже. Линза сделала то, что написано в её старом эталоне. Но мастер на месте изменил бы баланс стяжек. Убрал бы лишнюю фиксацию. Дал бы контурам двигаться в узком коридоре, а не держал их мёртвой рамой. Предмет не сломался от слабости. Он сломался от слепой правильности.

Нокс тихо щёлкнул языком.

— Слепая правильность. Хороший бренд для коалиционного премиума.

Хардвен не смотрел на него. Его взгляд вернулся к Марну.

— Кто восстанавливает профессиональную память?

Артём уже знал ответ по диагностике, но открыл список.

Системный интерфейс показал: требуемая специализация — архитектор душ.

Системный интерфейс показал: активные мастера — 0.

Системный интерфейс показал: сертифицированные наследственные центры — 12.

Системный интерфейс показал: оценочная стоимость услуги — недоступен.

Системный интерфейс показал: рыночный статус — вымерла.

Строки висели в воздухе слишком ровно.

Нокс поднялся.

— Никто. Тебе предложат компенсацию. Может, замену NPC. Может, скидку на следующий стабилизатор. Если хорошо надавишь, Палата признает частичный инцидент совместимости и даст закрытый купон на реабилитационный шаблон. Марн сможет носить алебарду, выполнять простые команды, стоять в строю. Только мастером своего тела он уже не будет.

Марн не реагировал на разговор о себе. Он всё ещё пытался найти правильное положение рук на древке.

Артём смотрел на системную строку «рыночный статус — вымерла».

Она не давала покоя.

В Системе было много жестоких формулировок, но большинство из них были точными. Если профессия исчезла, рыночный вес должен был перейти в архив. Если мастеров нет, торговля активным индексом возможна только на остаточных запасах, шаблонах и сертифицированных услугах. Но в стабилизаторе стояла не просто пометка наследственного крафта. Там был живой вес профессии, встроенный в цену, страховку и доступ.

Он открыл рыночный слой.

Данжевый интерфейс сопротивлялся. Рыночные данные редких профессий не принадлежали Суверенному Данжу. Они проходили через аукционные терминалы Коалиции, закрытые индексы и страховые таблицы. Но аварийная мастерская сохранила старые ремонтные права, а сломанный предмет лежал на территории данжа. Этого хватило для узкого запроса.

Системный интерфейс показал: структура стоимости предмета.

Системный интерфейс показал: стоимость материалов — 8,7 процента.

Системный интерфейс показал: плата за доступ к наследственному шаблону — 14,2 процента.

Системный интерфейс показал: сертификационная надбавка — 21,6 процента.

Системный интерфейс показал: привязка к рейдовому страхованию — 17,9 процента.

Системный интерфейс показал: надбавка за труд мастера — 0,0 процента.

Системный интерфейс показал: корректировка по крафтовому индексу — 37,6 процента.

Артём остановился на последней строке.

Системный интерфейс показал: корректировка по крафтовому индексу — 37,6 процента.

Если труда живого мастера нет, почему вес профессии продолжает поднимать цену почти на сорок процентов?

Он раскрыл строку.

Интерфейс мигнул и выдал красное предупреждение.

Системный интерфейс показал: доступ ограничен.

Системный интерфейс показал: индекс — Craft прайм.

Системный интерфейс показал: составная профессия — архитектор душ.

Системный интерфейс показал: профессиональный класс — архитектор душ.

Системный интерфейс показал: рыночный статус — вымерла.

Системный интерфейс показал: вес крафтового индекса — активна.

Системный интерфейс показал: залоговая ссылка — скрыта.

В мастерской потянуло холодом.

Не настоящим. Системным. Так менялась температура, когда под обычной логикой обнаруживался финансовый протокол.

Артём прочитал строки ещё раз.

Системный интерфейс показал: рыночный статус — вымерла.

Системный интерфейс показал: вес крафтового индекса — активна.

Мёртвая профессия не должна иметь активного веса. Память о профессии могла увеличивать цену предметов. Лицензия на шаблоны — тоже. Но активный индексный вес означал, что где-то в расчётах существует обеспечивающий объект. Что-то, на что рынок ссылается как на сохранённую ценность.

Нокс перестал улыбаться.

— Ты это видишь?

— Да.

— Не должен.

— Уже поздно.

Хардвен шагнул ближе.

— Что вы видите?

Нокс посмотрел на Артёма, затем на сломанный стабилизатор.

— Дыру в сказке о вымерших мастерах.

Артём провёл запрос глубже.

Системный интерфейс показал: залоговая ссылка — скрыта.

Системный интерфейс показал: запрашивается юрисдикционное основание.

Системный интерфейс показал: основание — повреждённый сертифицированный предмет обнаружен в аварийной мастерской Суверенного Данжа.

Системный интерфейс показал: основание — профессиональное повреждение NPC произошло во время извлечения под защитой данжа.

Системный интерфейс показал: частичное раскрытие разрешено.

Воздух над лепестками изменился.

Сначала появились цифры. Потом — закрытые поля. Потом — одна строка, вырванная из реестра, как кусок кости из старой раны.

Системный интерфейс показал: идентификатор души — скрыто.

Системный интерфейс показал: профессиональный класс — архитектор душ.

Системный интерфейс показал: ранг мастера — прайм.

Системный интерфейс показал: статус залога — активна.

Системный интерфейс показал: форма актива — замороженный профессиональный актив.

Системный интерфейс показал: источник долга — запечатано.

Системный интерфейс показал: вес крафтового индекса — зафиксирован.

Системный интерфейс показал: держатель — коалиционный пул ремесленных инструментов.

Марн наконец поднял голову.

Может, он не понимал строк. Может, в нём сработала остаточная реакция NPC на слово «профессиональный класс». Но его пальцы сжались на алебарде чуть крепче.

Хардвен смотрел на интерфейс так, будто тот заговорил на языке, где каждое слово стоило чужой жизни.

— FrozenSkillAsset, — медленно прочитал он. — Что это?

Нокс ответил не сразу. Он отвёл взгляд от строки и посмотрел на стены мастерской. На старые цепи, пустые формы, сломанные держатели. Впервые за всё время он не пытался оценить предметы.

— Замороженный профессиональный актив, — сказал он наконец. — Так это переводится на рыночный язык.

— Не рыночный. Человеческий.

Нокс усмехнулся без звука.

— На человеческом языке такое не придумывают.

Артём поднялся.

Сломанный стабилизатор лежал между ними, аккуратный и дорогой, с семью лепестками сертифицированной ошибки. Рейд выжил. Не весь и не целым. Марн дышал, но его профессия была вывихнута из души. Хардвен уже считал будущие претензии. Дэвиан с почерневшими пальцами молча гасил остатки чужого агро-модуля в собственных каналах. Игроки проверяли слоты, боясь найти там не потерю здоровья, а чужую жизнь, случайно попавшую в их интерфейс.

Артём смотрел только на одну строку.

Системный интерфейс показал: форма актива — замороженный профессиональный актив.

Профессия не умерла.

Её похоронили в индексе, оставив торговаться надгробие. А где-то под слоями финансовых протоколов хранилась душа мастера, не живая и не мёртвая, достаточно сохранённая, чтобы обеспечивать цену, и достаточно закрытая, чтобы никто не задавал вопросов.

Система выдала последнюю строку частичного доступа:

Системный интерфейс показал: предупреждение — взаимодействие с заложенными профессиональными душами может вызвать претензии уполномоченных держателей.

Артём закрыл ладонью интерфейс, но буквы всё равно остались перед глазами.

— Нокс.

— Да?

— Найди мне всё, что можно найти по «Craft прайм».

— Это закрытый индекс.

— Значит, найди то, что вокруг него.

— Это будет дорого.

Артём посмотрел на Марна, который снова пытался вспомнить хват.

— Дорого уже было.

Нокс кивнул. Без шутки. Без торговли.

Хардвен поднял сломанный лепесток стабилизатора и сжал его в кулаке. Металл не погнулся. Хороший материал. Идеальный материал. Предмет, которому не хватило только одного — живой руки, способной понять, что правильный чертёж убивает, если мир перед ним изменился.

Артём развернул перед собой старую карту аварийной мастерской. В дальнем углу, под слоем отключённых ремонтных линий, нашлась запечатанная дверь без названия. На ней не было коалиционной печати. Только стёртая метка прежнего цеха и пустой паз под инструмент, которого здесь больше не существовало.

Система попыталась классифицировать дверь.

Системный интерфейс показал: доступ к архиву мастерской.

Системный интерфейс показал: требуемая профессия — архитектор душ.

Системный интерфейс показал: статус — unavailable.

Затем, после задержки, поверх старой строки появилась новая.

Системный интерфейс показал: обнаружен связанный замороженный профессиональный актив.

Системный интерфейс показал: возможный территориальный след — не разрешён.

Артём медленно убрал руку от интерфейса.

За дверью не было ответа. Только первый след. Старый, залоговый, спрятанный под словом «вымерла».

И этого оказалось достаточно, чтобы весь рынок редких профессий на краю зрения дрогнул едва заметной красной линией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.